

НЕПТУНЪ

РАЗСКАЗЪ ДЛѢ ДЕТЕЙ

АлександрѢ Гиппіусъ
РОЖДЕННОЙ **РЕННЕНКАМПФЪ**.

С. Петербургъ. въ Типографіи Э. Арнольда.
1862

Александры Гиппиусъ

НЕПТУНЪ

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

С. Петербургъ. въ ТИПОГРАФІИ Э. Арнгольда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Александры Гиппиусъ

— Другъ мой Коля, дарю тебѣ Нептуна! сказалъ Дмитрій Николаевичъ своему сыну, вводя въ комнату большую, черную, курчавую собаку, съ бѣлыми лапами и бѣлою шелковистою грудью.

Коля закричалъ отъ радости и бросился обнимать отца. Потомъ, поласкавъ и потрепавъ Нептуна, сѣлъ на него верхомъ. «Ай да собака, точно лошадь!» говорилъ Коля, разѣзжая на собакѣ по комнатамъ. «Направо, налѣво, направо,» говорилъ Коля — и ученый, понятливый Нептунъ поворачивалъ направо и налѣво, какъ приказывалъ Коля. «Стой!» Нептунъ останавливался. «Молодецъ Нептунъ! спасибо, что покаталъ меня!» сказалъ Коля, слѣзая съ Нептуна и лаская его по шеѣ.

Нептунъ былъ изъ породы водолазовъ и отлично плавалъ. На лапахъ у него, между пальцами, была перепонка, какъ у гусей. Когда въ воду бросали палку, онъ тотчасъ самъ кидался за ней и проворно выносилъ ее на берегъ. Кромѣ того, Нептунъ умѣлъ служить на заднихъ лапахъ, держать палку какъ ружье, и когда на носъ клали ему кусочекъ сахара или хлѣба, онъ подбрасывалъ кусочекъ носомъ и ловилъ на лету.

Коля очень любилъ своего Нептуна, самъ кормилъ его, поилъ и ежедневно расчесывалъ большимъ гребнемъ его черную, кудрявую шерсть. Когда Коля учился, Нептунъ лежалъ у ногъ его; ночью спалъ у его кровати, на коврикѣ, и каждое утро, когда Коля просыпался, подавалъ ему туфли и халатъ. Нептунъ былъ охотникъ бѣгать по саду вмѣстѣ съ Колей, ловить обручъ его или мячъ, или бѣгать въ перегонку. Славная была собака Нептунъ!

— Мамочка! милая мамочка! сказала Колина сестрица, Соня, Варварѣ Алексѣевнѣ, ласково обнимая ее, — подари мнѣ котеночка, маленькаго, сѣренькаго котеночка. Подари, пожалуйста.

— А мнѣ, мамочка, подари пѣтушка и курочку, сказала Варварѣ Алексѣевнѣ Наташа: я такъ люблю пѣтушковъ и курочекъ!.. Подаришь, мамочка?

— Съ удовольствіемъ, друзья мои! отвѣчала добрая Варвара Алексѣевна; — но не иначе, какъ черезъ недѣлю, и въ такомъ случаѣ, прибавила она, — если всю недѣлю вы будете вести себя какъ слѣдуетъ: будете прилежны, вѣжливы, послушны.

— О, мамочка! воскликнули обѣ дѣвочки разомъ, — не только всю недѣлю, но всегда, всегда!.. Только, мамочка, подари намъ!

Въ самомъ дѣлѣ, обѣ дѣвочки всю недѣлю вели себя какъ нельзя лучше.

Въ воскресенье, вернувшись изъ церкви, онѣ нашли, у себя въ комнатѣ, котеночка, пѣтушка и курочку.

Котеночекъ былъ сѣрый, какъ желала Соня, крошечный, пушистый. Лапки у него были бѣленькія, какъ будто въ чулочкахъ.

Пѣтушокъ былъ золотистый, съ чернымъ, блестящимъ хвостомъ; курочка бѣленькая, съ мохнатыми ножками.

— Ахъ ты, наша добрая мамочка! какъ мы благодарны тебѣ! говорили дѣти, обнимая мать и цалуя у ней руки.

Сонинъ котеночекъ былъ такъ малъ, что Соня прятала его въ карманъ, гдѣ онъ лежалъ очень покойно, высовывая оттуда свою сѣрую головку. Соня играла съ нимъ какъ съ куколкой: пеленала его, наряжала въ рубашечку, даже сшила ему панталончики и чепчикъ. Спалъ онъ въ круглой корзинкѣ, къ ручкѣ которой была привязана розовымъ бантомъ занавѣсочка, и котенокъ спалъ тамъ, какъ въ кроваткѣ. Лили, такъ звали котенка, очень забавлялъ дѣтей своей игривостью. Онъ

Александры Гипсіусъ

бѣгалъ и прыгалъ по всѣмъ столамъ и стульямъ, ловилъ привязанною къ веревочкѣ бумажку, или, кружась на мѣстѣ, старался поймать свой хвостъ.

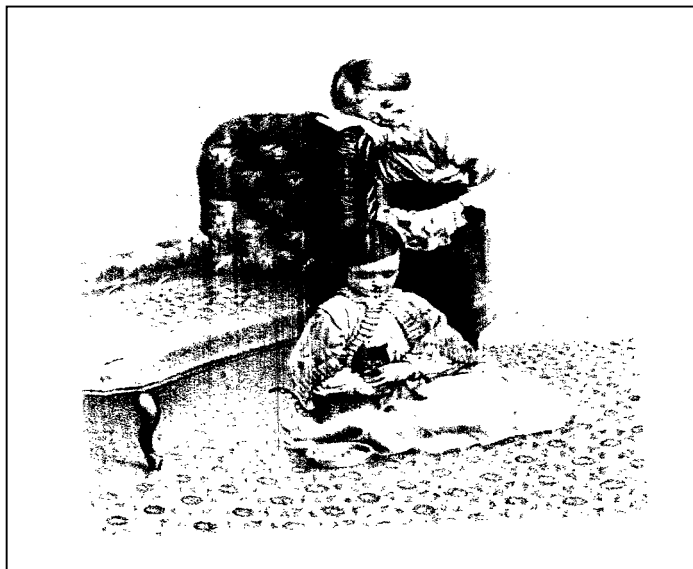
Соня, нѣсколько разъ въ день, кормила его, изъ блюдечка, бѣлымъ хлѣбомъ съ теплымъ молокомъ, а по утрамъ, приносила ему кусочекъ сырой говядины, до которой котенокъ былъ большой охотникъ.

Пѣтухъ и курочка жили очень дружно. Пѣтухъ переважно расхаживалъ по двору, и, найдя зернышко овса или крупинку, звалъ тотчасъ курочку.— Курочка несла яички и выводила цыплятъ. Всякій разъ, когда Наташа приходила кормить ихъ овсомъ, хлѣбомъ или крупой, цыплята сбѣгались къ ней и, собравшись въ кучку, живо уничтожали кормъ.

На дворѣ, подлѣ кухни, былъ устроенъ небольшой курятникъ, куда Наташа запирала цыплятъ, на ночь; утромъ она выпускала ихъ на волю, въ садъ. Она безпрестанно посматривала, чтобы не обидѣлъ ихъ котенокъ, который не рѣдко пугалъ ихъ и разгонялъ въ разныя стороны.

Пѣтухъ просыпался рано и, хлопая крыльями, кричалъ изо всѣхъ силъ ку-ре-ку! за что очень не жаловала его кухарка и не разъ предлагала его Варварѣ Алексѣевнѣ на жаркое.

Соня, Наташа и Коля были прекрасныя дѣти. Главное ихъ достоинство было

послушаніе. Всякой, кто ихъ видѣлъ, говорилъ: какія милыя, послушныя дѣти!

Утромъ, проснувшись, они вставали безъ слезъ и безъ капризовъ, проворно умывались и одѣвались, и, усердно помолившись Богу, спѣшили къ родителямъ поздороваться.

— Кто скорѣе прибѣжитъ къ мамашѣ, и кто крѣпче всѣхъ поцалуетъ ее? говорили дѣти, и опрометью бѣжали въ столовую, гдѣ Варвара

Алексѣевна, за большимъ самоваромъ, разливала чай. Отъ Варвары Алексѣевны дѣти спѣшили въ кабинетъ отца.

— Здравствуй, дружочекъ нашъ папаша! кричали они, и, схвативъ отца за халатъ, тащили къ чайному столу.

За чайнымъ столомъ, какъ и за обѣдомъ, дѣти сидѣли тихо и спокойно: не играли хлѣбомъ, не проливали ничего на скатерть, безъ спроса ничего не брали и не плакали, когда въ чемъ нибудь получали отказъ.

Послѣ утренняго чаю, дѣти отправлялись въ комнату Варвары Алексѣевны — учиться. Учились они хорошо, прилежно; читали безъ складовъ и порядочно писали; умѣли считать до ста, и знали священную исторію и нѣсколько басенъ.

Въ комнатѣ, гдѣ они учились, сидѣлъ зеленый попугай, въ большой мѣдной клѣткѣ. Когда дѣти дѣлали какую нибудь ошибку: пропускали букву, или ставили одну вмѣсто другой, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, попугай кричалъ, повторяя слова Варвары Алексѣевны: «стыдно! стыдно! стыдно!» и дѣтямъ становилось такъ стыдно, что они чуть не плакали.